

Как хоронили Шаляпина

В МАЕ 1961 года в Киеве гостил как турист главный балетмейстер Гранд-Опера Сергей Михайлович Лифарь. Он родом из нашего Киева, и все четыре дня, которые он провел здесь, я находился с ним. Зная, что он был главным церемониймейстером на похоронах гениального русского артиста Ф. И. Шаляпина, я попросил рассказать мне все, что он знает о том, как все это произошло. Вот что мне рассказал Сергей Михайлович.

Шаляпина я считал своим лучшим другом и безгранично чтил его, всегда восхищался им как артистом, которого больше никогда не увижу. Я горд тем, что именно мне выпала печальная доля и честь организовать похороны, достойные величайшего артиста. Вначале казалось, что все будет легко и никаких затруднений не будет. Хороним самого Шаляпина, а у него всемирная слава, бесчисленные поклонники...

Прежде всего возникли финансовые затруднения — в семье Шаляпина совершенно не оказалось свободных денег, а хоронить Федора Ивановича «как-нибудь», без пышного почета, соответствующего его величию, было просто невозможно. Организовали на скорую руку сбор средств, но тут возникло новое препятствие, уже по другой линии. Совершенно не могло быть и речи о так называемых «национальных похоронах», так как Федор Иванович не был французом. Я считал, что столица мирового искусства — Париж должен откликнуться на смерть великого артиста как-то особенно. С этим я отправился к министру изящ-

ных искусств и просил его разрешить отслужить панихиду и отпевание почившего перед зданием Гранд-Опера.

Министр вежливо выслушал меня, но просьбу отклонил:

— Нет! Это невозможно совершенно. Будь Шаляпин французом, дело бы обстояло иначе...

— Но уверены ли вы, господин министр, что с вами согласится история всей культуры?

— История, история! Кто же из нас знает, что скажет история? Вчера у вас, русских, был Пушкин, сегодня — Шаляпин, завтра будет Стравинский... Нет, нет! Я решительно не согласен! Не забывайте, что вы все-таки не у себя дома, а во Франции.

Все доводы оказались бесполезны, и я вышел от министра и стоял на берегу Сены, не зная, что же делать. Случайно вспомнил, что префект Сенского департамента Парижа очень дружен ко мне относился, и я побежал к нему.

Префект возмутился:

— Что?! Министерство не согласное? В Париже хозяин — я! Разрешение зависит от меня, и я без малейшего колебания даю его вам! Шаляпину будут отдавать все почести, которых он действительно достоин!

Я в общих чертах тут же выработал весь церемониал похорон. Префект отдал распоряжение открыть двор Гранд-Опера и в нужное время остановить все уличное движение по дороге от улицы Дарю, где находилась русская церковь, до Оперы и от Оперы до кладбища...

За несколько часов до кончины Федора Ивановича я был

у него, стоял у его постели. Умирающий в бреду мучительно хватал себя за горло, будто рвал на себе что-то, и много раз повторял:

— Не звучит!.. Не звучит!..

Как бы в бреду он назвал мое имя. Я подошел поближе к Федору Ивановичу.

— Лифарь... ты будешь церемониймейстером на моих похоронах... На бархатных подушках ордена... Ты, Серж, в красном трико, как на сцене... с черной бородкой... церемониймейстер!

Так все и было, как видел перед своей смертью умирающий гений, и я счастлив, что мне удалось назначенную мне самим Шаляпиным роль исполнить, хотя и без мексиканской бородки и красного трико. Много орденов несли перед гробом Федора Ивановича, и казалось, что впереди на особой, невидимой подушке лежит единственно достойный этого великого артиста орден — орден Славы и Бессмертия.

Александр-Невский русский собор, где стоял гроб с телом Шаляпина, был весь в цветах. Присутствовал почти полностью дипломатический корпус, так называемый «весь Париж», виднейшие артисты, тысячи и тысячи людей. Огромный храм не мог вместить всех, и люди стояли во дворе, на улицах

«Это были «царские» похороны!» — говорили в толпе. Но разве Федор Иванович и не был царем сцены?

Несмотря на жестокий холод и сильный ветер, все стояло без головных уборов, многие во дворе церкви на коленах, всюду видны слезы, траур...

Бездыханное тело незабвен-

ного артиста России вынесли в 9 часов утра из его квартиры по авеню Эйло № 22. Только к 10 часам процессия пришла к храму. В тот печальный день по случаю пасхального понедельника все улицы Парижа были пустынные, и только по пути следования процессии, на улицах Пьер Легра и Дрю, толпились очень густые массы народа.

Когда подошли к храму, многие вспомнили, что здесь Федор Иванович часто пел, а теперь... На решетке вокруг храма зажженные, покрытые черным флером, фонари.

Гроб был поставлен перед главным престолом храма. Вокруг гроба стали: Мария Валентиновна, жена покойного, его сын Борис, накануне прибывший из Нью-Йорка, дети Шаляпина, личный представитель президента Французской Республики, представители министерств Франции, министр просвещения, композитор и друг Шаляпина Сергей Рахманинов, писатель Илья Эренбург, бывший директор петербургских театров Крупенский. Пел хор русской оперы.

Пели и многие артисты-певцы, пели и плакали, не стесняясь своих искренних слез. Большинство присутствовавших встали на колени...

По всей дороге от Гранд-Опера до кладбища на тротуарах стояли толпы французских, без головных уборов, с искренней печалью на лице и в глазах. За похоронной процессией длиннейшей вереницей двигались автомобили и такси. У самых ворот кладбища стояла большая группа явно русских людей. Они громко говорят на

русском языке... Печальные возгласы. Слышу, как один из группы русских говорит так, чтобы слышали все:

— Когда умер, когда убили Пушкина... сказали: закатилось солнце России... А теперь мы все, русские скажем... тоже. да, закатилось и второе солнце не только России, но всего музыкального мира...

От ворот кладбища до выбранного самим Федором Ивановичем места совсем близко. Слышу, как один из членов семьи покойного довольно громко рассказывает о том, как Федор Иванович мечтал о возвращении в Москву...

Над гробом с телом Шаляпина на кладбище никто ничего не сказал. Опустили при полнейшем и страшном молчании. Только и было сказано над уходящим то слово, которое в русском храме на улице Дарю произнес старый митрополит Евлогий, а он своим простым словом заставил плакать...

...Гроб опущен в могилу... Последний глухой удар последней горсти земли — земли русской, которую сам Федор Иванович достал от кого-то в мешочке и просил посыпать ему гроб... Последний взгляд на дубовую крышку, которая закрыла от нас поистине великого русского человека...

Чем дальше во времени от нас уходят даты сверкающей жизни гениального Шаляпина, тем ярче и ярче сияет его имя. Надо думать, что решение Министерства культуры СССР о создании большого «шаляпинского» музея в Москве в самые быстрые сроки будет осуществлено и перед зданием этого необыкновенного музея будет возвышаться чудесный памятник Федору Ивановичу.

Н. САМОИЛЕНКО.